

З

атилинькал мобильник. Голосом Владимира Молчанова «трубка» промолвила:

— С утра пораньше написал несколько строк. Время есть? Читаю...

Я приготовился услышать нечто иронически-короткое. А то и язвительное, на что Владимир Молчанов большой мастак-импровизатор.

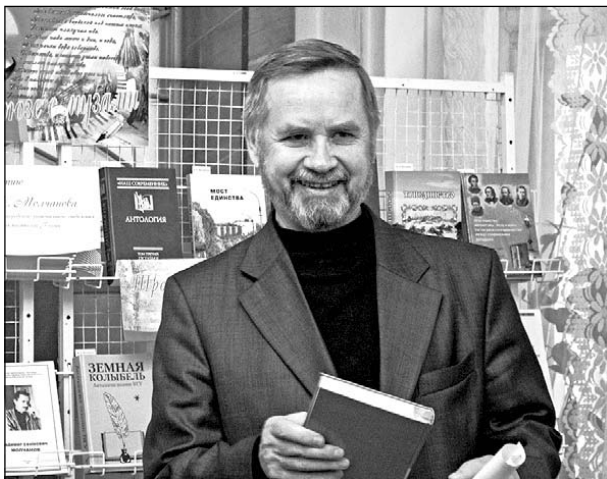
И услышал:

Если можно — дайте слово,
Рассказать я с грустью рад
И про Тихона Рыжкова,
И его фруктовый сад.

Далее следовали строки явно не иронические, а такие, что рассказывать рад, но с грустью. В том сюжетном стихотворении, пожалуй, своего рода поэме, воссоздана история фруктового сада-кормильца, взлелеянного дедом Тихоном, потом под давлением обстоятельств переданного колхозу.

И в стремленье к жизни новой,
Кроме сада, — куча дел.
Умер дед. И сад фруктовый
Одичал и захирел...

Печальную страничку из жизни деда Владимиру Молчанову поведала мать. Вероятней всего, рассказала об этом много лет назад. Сюжет остался в сознании, но уединился в самой глубине. Можно сказать, созрел. И только срав-

Владимир Молчанов

нительно недавно поэта осенило, строки пошли сами собой, о чем он и оповестил меня сразу в то вдохновенное, «болдинское» для него утро.

Что примечательно в этом случае? Владимир Молчанов наделен особенным поэтическим даром, который выплескивается единым махом, сразу, можно сказать, экспромтом. Трудно представить его за ухоженным письменным столом, когда сидит и мучительно сочиняет ритмические строки на заданную тему. Как сказано давно, его «строку диктует чувство». Собственно, тем и отличается талант от натужного сочинителя.

Второе не менее заметное свойство Владимира Молчанова — умение изложить повествовательный сюжет в стихотворной форме. Вспоминается его поэма «Баян», которая в былые годы понималась как визитная карточка поэта. На каждой встрече, если он не читал этот «лирический дневник», слушатели непременно просили его исполнить. На первый взгляд, незатейливый сюжет, но написанный проникновенно и задумчиво, он воспринимался сердцем и душой. Слушателей подкупала доверительная манера автора, без всякой рисовки читавшего свою поэму об истории юного музыканта, самозабвенно осваивавшего баян. Покоряла сказовая манера изложения, чем-то напоминающая «Василия Теркина», житейская ситуация в семье подростка, которому купили баян, полностью опустошив небогатую семейную кассу:

И как же мог я не стараться,
Когда музрук мне дал понять,
Что, если выучу, на танцах
Доверит «Школьный вальс» сыграть.

Смысл обеих поэм, конечно, не столько в примечательных историях, сколько в нравственном состоянии героев. Один из них не решается вырубить сад, выращенный своими руками, потому что деревья обложили налогом, и передает его в общественную собственность, а другой увлеченно осваивает музыкальную грамоту, в основе которой лежат народные глубинные начала.

Впрочем, будет крайне несправедливым, если только сказовым свойством ограничим творчество Владимира Молчанова. В изданных им 12 стихотворных сборниках мы читаем душевно-лирические, граждански-накаленные, возвышенно-патриотические стихи и поэмы и, как уже сказано, сатирические строки. Некоторые стихи положены на музыку, а особо сокровенные он положил на музыку

сам и при случае может исполнить на баяне. Ведь поэма «Баян» — это подлинный «лирический дневник», пережитый и прочувствованный автором.

Стихотворение о загубленном саде своего деда, названном иронически «Мое наследие», Владимир Молчанов включил в свежий сборник и тем самым как бы подвел черту под прежними жанрами. Правда, в новой книге есть еще пространные «Украине», «Баллада о цыганском музыканте» и несколько других. Однако основное содержание поэтического сборника под названием «Пришла пора...» составляют короткие, афористичные стихи, которые стали продуктом его многолетнего поэтического творчества и умудренного жизнью мыслящего человека.

... А логика жизни проста,
Ее я ничем не нарушу.
И если опала листва,
То лес обнажил свою душу.

Вот и все стихотворение. Лаконичное и емкое. Наступила осень жизни, «пришла пора», когда до предела обнажается душа, и многословие становится излишним. Ведь свой замысел можно выразить в четырех или восьми строках, в крайнем случае — в трех-четыре-х строках.

Еще о том же:

Прощай, мой август, — бархат лета,
Прощай, тепло минувших дней.
Моя же песенка не спета,
Не все куплеты спеты в ней.
Я от судьбы не прячу взгляда,
Она мое — мне пропоет.
...Уже осенней тропкой сада
Предзимье, крадучись, идет.

Возраст-то осенний, но песня зреет, ведь у автора прочный запас жизненных сил и творческих порывов: он «не все куплеты еще спел». Таково душевное состояние Владимира Молчанова, таков его стержень, удерживающий от возрастных уныний и житейских предчувствий. Прочитаем последнюю строку еще раз и отметим, как уместно и незаменимо слово «крадучись». Предзимняя пора приближается не зримо и явно, а незаметно, оттого еще более неостановимо.

Прочитав сборник, привередливый читатель может упрекнуть автора в излишней, хотя и потаенной назидательности. Возразим ему так. Почему бы творческому человеку не поделиться своими размышлениями и раздумьями в пору, когда «дошел до седин»? При этом состояние погруженности в свои мысли изложено в изобилующей метафорами форме, сдобрено наблюдениями приметливого глаза, неожиданными и точными выводами.

Побудили автора к такой манере стихотворства «Круг чтения» Льва Толстого, «начиненный» афоризмами и наставлениями, и «Пословицы русского народа» Владимира Даля, насыщенные мудрыми изречениями. Два раздела новой книги написаны под впечатлением от чтения этих трудов.

Читаем:

Говорит сочувственно мне кто-то,
Как в последний провожает путь:
— Напрочь иссушила вас работа,
Надо от работы отдохнуть.
Для меня же отдых есть работа,
Без нее не прожил бы и дня.
Сушит не работа, а забота —
Вдруг работа обойдет меня...

Для творческого человека работа в радость. Это вдохновение, озарение, которое воплощается в строки. Это смысл жизни. И Боже упаси, если «работа обойдет» его. Примечательно в этом восьмистишии сравнение: «Как в последний провожает путь». Оно до предела обостряет ситуацию: дескать, пришла пора думать о вечном, а ты еще хорошишься.

Какие же размышления заставили автора взяться за перо? Его душевное и духовное состояние отчасти выражено в таких строках:

Мне говорят: «Поэт ты — не бог весть...»,
Считают, что совет дают полезный:
«В твоих стихах нападки есть,
Не любишь ты Россию, друг любезный...»
Не знаю, как мне пыл их остудить?
Я им скажу не ради слов красивых:
Могу в России власть я не любить,
Но не могу я не любить Россию...

Значение двух последних ключевых строк уходит в историческую глубину, они воссоздают самоощущение каждого мыслящего гражданина Отечества, который чувствует, говоря словами Рубцова, «самую смертную связь» с малой и большой Родиной, с традициями пращуров, с современными реалиями. Но он не отождествляет свои чувства с государством, с правителями. Они приходят и уходят, а отчая земля пребывает вовеки. Это чувство свойственно подавляющему большинству народонаселения — и в былые времена, и сегодня. Это так же естественно, как и то, что огонь горячий.

Будем говорить по большому счету. Разве крепостные крестьяне в войне с Наполеоном защищали свое бесправное состояние? Неужто сыновья раскулаченных проявляли воинскую доблесть на полях Великой Отечественной потому, что их отцов репрессировали? Ими руководило главное чувство: они не могли «не любить Россию». Владимир Молчанов продолжает эту патриотическую линию — линию массового вдохновения.

На то у него есть прочная основа: достойное и порядочное житие родителей. Они своим образом жизни, возможно, не глубоко осозанным, но переданным предками, явили пример детям. Об отце Владимир Молчанов сложил такие строки:

Ни лукава в жизни, ни юля,
Он, Молчанов, не играл в молчанку.
Пребывал всю жизнь он у руля,
То бишь за шоферскою баранкой.

Не очерствевшему взгляду поэта в, казалось бы, бытовой ситуации видится прекрасное и возвышенное. Вот на перроне среди людей, томящихся в ожидании поездов, девочка кормит голубей. Автор замечает безразличие окружающих. Между тем реальность происходящего видится ему в таком свете:

Не понять толпе, как ни силится,
На девчонку бросая взгляд,
Что не голуби, как ей видится, —
Это ангелы к ней летят.

Подкрепляя символическое видение, Владимир Молчанов дополняет: «Сам Господь узрел — в это верится».

Мы вчитываемся в поэтические строки, мысленно всматриваемся в свое сердце и обращаем взгляд на небеса. Прозревая, начинаем задумываться о святости добросердечия, соучастия и сопереживания. Вспоминается картина Н. Ярошенко «Всюду жизнь», на которой женщина в окне вагона придерживает ребенка и

тот радуется птичкам-голубям, подбирающим хлебные крошки. Глаза малыша светятся. И мы представляем, будто ангельская душа встретила с посланцами небес.

Стихотворный сборник насыщен размышлениями-четверостишьями о личности и индивидуальности (Мой удел — одиночество даже в шумной толпе), о жизни по заповедям (В грязь лицом нельзя упасть, признавая Божью власть), о мимолетном противоречивом настроении (От радости — печалюсь, от грусти — веселюсь), о гражданском долге (Отдавай — не хитри и не лезь на рожон. Тут мудри — не мудри: «Красен долг платежом»). В строках книги вместились чувство свободы на уплывающих за горизонт родных просторах (Нет лучшей доли — видеть поле, где ветер вволю пить могу), удивление красотой и жизнестойкостью сада (Яблонька родная, яблонька — мой свет. Где в тебе берутся мужество и сила каждый год весною рассыпать свой цвет?..)

В этих строках своя вдумчивая интонация, свой лишенный патетики поэтический язык. Автор не гонится за изощренной рифмой, а стремится передать свой духовный опыт, утверждая, что каждый делает свою судьбу и каждого она создает. Размышления склонились к семейным истокам:

«Я забыла больше, чем ты знаешь», —
Говорила мама мне когда-то.
Мудрость этих слов воспринимаю
Лишь теперь безропотно и свято.

Родители, обрета жизненный опыт, знают больше детей. Такова мудрость бытия. Как говорится, умнее своего времени и возраста не будешь. Автор осознал слова матери, когда достиг ее многолетия. И в этом мы видим продолжение родительского воспитания, их незримое присутствие, как образ совести, в нашей повседневности.

Сравнительно недавно по тому же мобильнику услышал знакомый голос из Белгорода:

Жить мне стало чуть-чуть интересней,
Беспокоюсь уже о врагах.
Становлюсь с каждым днем все известней
Я в писательских узких кругах.

Эта самоирония — авторское отношение к себе, «дошедшему до седин». Это житейски-возрастная уравновешивающая точность. Поэт не пропитался чувством собственной значимости, некоего самолюбования, которые могли бы вырваться в человеке, широко известном в читающем мире Белгородчины и за ее пределами. Он по-прежнему открыт для каждого и всех, готов помочь любому пишущему и поддержать его. Даже не потому, что многие годы возглавлял областную писательскую организацию, а потому, что по-другому не может.

У Владимира Молчанова пронизательное и вполне мудрое восприятие себя и окружающих. Ироническое четверостишие он включил в сборник, подтвердив, что «пришла пора... жить чуть-чуть интересней».

В таком настроении и встречает каждый свой день.

